

cette citation, la cérémonie de *ğomâîlar* coïncide avec celle de *ğamal* „pendant la moisson, un groupe d'hommes s'habille en costumes de femme et un homme, déguisé en chameau avec des cloches, avec des cornemuses et des tambours, avec des sifflements et des cris, vont d'aire en aire et ramassent du blé“.

Les correspondants de ces mots dans les langues et les monuments tures sont à *ç* initial: ture de Turquie (osmanli): *çap* „faire une incursion“; *çyrak*; *çeri-başı*; *çerviş*; *çevre*; *çyban*; (dialectes anatoliens) *çyrakman* „1) erkek çocuklar tarafından ufak bir çukura bir makara kukasını koymak için sopalara vurularak oynanılan bir türlü oyun; 2) şelâle, çağlıyan“ (Türkiyede halk ağzından söz derleme dergisi, İstanbul, c. I, p. 340); *çagataj*: *çoyul* „intrigant“ (Л. З. Будагов, *Сравнительный словарь турецко-татарских наречий*, I, СПб., 1869, p. 495); ture de Turquie (dialectes anatoliens): *çomat* „herkesin getirdiği yemeği birleştirip beraber yeme“ (Ut supra, p. 368).

Ainsi bulg. *ğogol* peut nous servir à prouver l'authenticité de la forme iranienne *ğogol* et bulg. *ğeri-başı* — de pers. *ğarik* / *ğerik*.

ВАЧИК НАЛБАНДЯН
(Ереван)

ГРИГОР НАРЕКАЦИ И НАЧАЛО АРМЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Армения X—XII вв. пережила эпоху Возрождения, которая является составной частью Восточного Ренессанса. В результате длительной и тяжелой освободительной борьбы против арабского халифата, в конце IX — начале X в. была восстановлена политическая самостоятельность Армении, которая создала благоприятные условия для развития экономики и нового подъема культуры. С разложением феодальных отношений и развитием городской жизни углубляется классовое расслоение, борьба крестьян и городских низов, направленная как против феодалов, так и против высшего духовенства. Эта борьба неимущих классов нередко принимала характер религиозной ереси, как это происходило позднее в Западной Европе.

В средние века в Армении большое распространение получило еретическое движение павликианцев, развернувшееся в середине IX в. с еще большей силой и получившее именование движение тондракийцев (по названию селения Тондрак), которое продолжалось более двухсот лет. Основателем его был Смбат Зарехаванци, прозванный историками-духовниками „противником всех христианских догм“. Это мощное движение, выразившее интересы народных низов, было направлено не только против догматов церкви, но и против основ феодализма вообще. Тондракийцы отвергли существующие церковные порядки и ритуалы, предлагая реформировать их. Они не признавали *Страшный суд*, „наказание — возмездие“, „вечную девубогородицу“ и даже отрицали божественное начало Христа, считая его простым смертным, а главу своей секты называли Христом. Они отрицали существование „потустороннего мира“ и „воскресение“,

ратовали за „блаженную жизнь“ не на небе, а на земле. Они проповедовали идеи имущественного равноправия и братства между людьми, осуществляя их в своих общинах. В этом антифеодальном движении выражались и тенденции освободительной борьбы против чужеземной тирании.

Вследствие развития городской жизни, а также усиления еретических движений все больше и больше углубляется светское мировоззрение, перед которым начинает постепенно отступать религиозное мирозерцание, и создается реальная основа для развития литературы и искусства Возрождения, ознаменовавшееся невиданным доселе расцветом науки, архитектуры, книжной живописи (миниатюры), музыки.

Возрожденческие тенденции нашли свое яркое отражение и в армянской литературе X—XIII вв., крупнейшими представителями которой были Григор Нарекаци, Ованес Саркаваг, Нерсес Шнорали, Мхитар Гош, Вардан Айгекци, Фрик и др. „... Знакомство с армянской поэзией, — отмечал В. Я. Брюсов, — должно быть обязательно для каждого образованного человека, как обязательно для него знакомство с эллиническими трагиками, с *Комедией* Данте, драмами Шекспира, с поэмами Виктора Гюго“.

О каждой национальной культуре классического периода судят по их величайшим вершинам. Так, о греческой литературе мы судим по Гомеру, итальянской — по Данте, английской — по Шекспиру и т. д. Точно так же об армянской классической поэзии можно составить представление по творениям Григора Нарекаци.

Нарекаци явился родоначальником армянского Ренессанса в литературе. Родился он в 945 г. в Васпураканской области. Воспитание получил в Нарекском монастыре — в одном из крупнейших центров армянской образованности того времени, учился у своего двоюродного дяди — Анания Нарекаци, прозванного современниками „великим философом“. По окончании учения, Григор был пострижен в монахи, а впоследствии стал вардапетом — наставником монашеской братии в том же монастыре. Вскоре он прославился своими солидными познаниями и благочестием; о нем даже при жизни и особенно после смерти слагались в народе легенды.

Григор Нарекаци оставил богатое литературное наследие: „гандзы“ (гимны в честь бога и святых), *Толкование Песни Песней*, Панегирики св. Кресту, св. Богородице и св. апостолам, „таги“ (песни) и самое

крупное творение — „Книга скорбных песнопений“. Гимны, толкования и подобные сочинения Гр. Нарекаци мало чем отличаются от традиционных жанров церковной литературы. Но и в них уже ощущается дыхание большого поэта. Величие и гений его во всем блеске раскрылись в тагах-песнях и особенно в монументальной поэме — „Книга скорбных песнопений“. Гр. Нарекаци разрушил традиционные шаблоны духовной поэзии, выводя ее на широкий путь свободного творчества, подлинного поэтического вдохновения. В его сочинениях ярко отразились мироощущение, коренные изменения и глубокие противоречия армянской действительности X—XI вв.

Величайшей заслугой Гр. Нарекаци является выдвинутая им новая эстетическая концепция. Он впервые в армянской литературе сделал природу объектом поэзии, и в этом усматривается связь его эстетических воззрений с натурфилософией Анания Ширакаци (VII в.). „То, что Анания Ширакаци, опираясь на науку своего времени, считает источником всей жизни, становления всего живого мира, т. е. солнце, простирающегося своей теплотой и светом над миром, равно как воздух и вода, — это же самое воспевают Гр. Нарекаци в поэзии, — писал академик Манук Абемян. — Он чувствует и ощущает природу как вечно движущееся, живое существо, обладающее какой-то возвышенной таинственностью“. При чем Нарекаци воспринимает природу как „лиру божью“: когда поэт воспевает природу, он играет на „божественной лире“, и „презираемая, игнорируемая и даже считавшаяся грешной природа, таким образом, оживает, получает свои права. Воспевать природу, значит выполнять дело божьего прославления...“

Гр. Нарекаци потому и является родоначальником армянского Возрождения в литературе, что он впервые показал человека с его богатым духовным миром как частицу живой природы. Естественно, что при этом изменилась и сама поэтическая форма в соответствии с новым содержанием. По мысли поэта, художественное произведение при всем многообразии должно обладать единством содержания и формы, т. е. иметь одну основную идею и один общий мотив, стройную композицию.

Дыхание Возрождения отчетливо ощущается уже в тагах-песнях Гр. Нарекаци, продолжавших лучшие традиции многовековой армянской духовной поэзии, начиная с V в. Нарекаци в своем творчестве, в частности, в песнях, безусловно, опирался на лучшие образцы

шараканов¹. Но его песни создавались уже на новых творческих основах, главным из которых было свободное поэтическое вдохновение. В них вместе с приемами духовной поэзии используются приемы, восходящие к народной поэтике и придающие песням особое звучание. Вместе застывших образов-символов он вводит в лирику живые образы, метафоры, сравнения, взятые из окружающей реальной действительности, в результате чего эти поэтические аллегории приобретают часто самостоятельное значение и сила их настолько велика, что, по существу, подавляет первоначальный религиозный смысл, заложенный в данной песне. Именно в этом выражалось новое, возрожденческое миропонимание гениального поэта.

Песни Гр. Нарекаци вдохновенно воспевают красоту человека и природы. Так, в одной из песен Рождества, вместо обычного воспевания этого религиозного праздника, мы слышим величественный гимн в честь женской красоты, вместо традиционно бледного, бесплотного и отвлеченного образа св. девы Марии (Богородицы), мы видим яркий полнокровный образ живой, земной женщины идеальной красоты. Поэт создает ее портрет живыми красками, не забывая даже нарисовать детали ее одежды, украшений и т. д. Поэтический портрет св. девы, нарисованный вдохновенным поэтом, по духу своему напоминает „Мадонну“ Рафаэля и выражает гуманистическое начало, характерное для эпохи Ренессанса вообще.

Так на заре армянского Возрождения Гр. Нарекаци создал образ женщины идеальной красоты, доминирующий во всей армянской средневековой любовной лирике, вплоть до поэзии великого Саят-Новы (XVIII в.). Это был уже новый подход к осмыслению и поэтическому воплощению традиционных религиозных образов и понятий: божественное наделялось живыми человеческими качествами и тем самым как бы обожествлялось человеческое начало.

Гр. Нарекаци, наделяя образ св. девы земными человеческими качествами, тем самым как бы хотел подчеркнуть отсутствие непреодолимой пропасти между человеком, человеческим и богом, божественным, словно намекая на то, что бог и божественное не столь уж неощутимы и недостижимы. Поэт стремился как бы перекинуть мост между человеческим и божественным, приближая бога к человеку, что давало бы ему возможность говорить „от всей глубины

¹ Наиболее распространенный жайр армянских духовных песен.

души“ с самим богом, как с родным, близким существом, раскрывая перед ним все свои душевные муки и переживания, представить его, бога, в образе идеала, к которому должен стремиться человек, что и будет делать поэт в „Книге скорбных песнопений“.

В песнях Гр. Нарекаци отразилось сильное эмоциональное восприятие поэтом окружающей природы, и, видимо не зря, в начале нынешнего столетия французский писатель и искусствовед Габриэль Муро эти песни сравнивал с „Весной“ Сандро Боттичелли.

Культ природы, восхищение ее величественной красотой выражены и в других песнях Гр. Нарекаци („Песни Явления“, „Песня Воскресения“), в которых лишь религиозная концовка остается данью прошлому, а сами песни отражают новое, гуманистическое мироощущение поэта.

Возрожденческое умонастроение во всей философской глубине воплотилось в „Книге скорбных песнопений“, которая по праву считается величайшим памятником поэтического искусства средних веков. Поэма состоит из 95 глав, в ней свыше 10 тысяч строк. В жанровом отношении — это лирическая поэма, написанная смешанным стихотворным размером с преобладающими пятисложными стопами.

„Книга скорбных песнопений“ была известна под названием „Нарек“. На протяжении сотен лет она пользовалась в народе большой популярностью и почиталась даже наравне со св. Писанием: считалось, что она обладает „чудотворной“ силой, отчего ее прозвали „Книгой исцеления“. Что же касается ее глубокого содержания и совершенства художественной формы, то она была предметом подражания и недостижимым образцом поэтического искусства для армянских поэтов многих поколений.

Эпоха, в которой жил и творил Гр. Нарекаци, характеризовалась глубокими противоречиями: с одной стороны, господство религиозного мирозерцания, доходящего до мистики, и господство аскетического образа жизни, доходящего до умерщвления права плоти; а, с другой стороны, в результате бурного развития городов, — стремление к светскому образу жизни, несоблюдение церковных догм и обрядов, доходящее до их полного отрицания, и распространение еретических учений. „Книга скорбных песнопений“ явилась результатом этой весьма сложной и противоречивой действительности.

Главной проблемой, вокруг которой разветвляется вся многогранная внутренняя проблематика поэмы, является проблема челове-

ка, которую поэт стремится решить на основе господствовавших в ту эпоху религиозно-мистических понятий и представлений, в рамках сложных „взаимоотношений“ человека и бога. По мысли Гр. Нарекаци, человек рождается совершенно „чистым“ и „добрым“. Но в этом „несовершенном“ и „грешном“ мире он утопает в болоте грехов и преступлений, растлевает свою первоначальную сущность. Но надежда на спасение человека не утрачена: он может выйти из этого трагического положения только одним путем — уповая на бога, стремясь к нему как к идеалу. Однако на пути к спасению стоит трудная преграда — несовершенство человека, отягаченного „тяжкими грехами“. Поэтому человек должен неутомимо каяться в своих „грехах“, молиться, очищаться от всякой нечисти и пороков — от всего того, что осквернило его первоначальную суть, и добиваться получения отпущения всех „грехов“. Человек, продолжает поэт, должен постоянно совершенствоваться, стремиться приобрести идеальный облик с тем, чтобы, походить на бога и иметь право соединиться, слиться с ним как светлым прообразом наивысшего совершенства. Спасение человека, по мнению поэта, — в его гармоническом усовершенствовании. Эта гуманистическая идея и пронизывает всю „Книгу“ Гр. Нарекаци, составляя ее суть. Обращаясь к богу, поэт говорит:

Надеждою несомненной верую,
Что, вверясь в руки всемогущего,
Достигну я не только искупления,
Но и увижу его самого...

...Да будет милость твоя, Создателя, со мной,
И дыхание духа моего с тобой
Соединено связью неразрывной.

Стремление поэта к совершенству человека настолько велико, а желание его увидеть человека спасенным, достигшим божественного совершенства, настолько сильно, что он даже считает возможным стать богом. Но поэт содрогается при одной этой мысли.

В „Книге“ Гр. Нарекаци большое место занимает перечисление человеческих „грехов“, которые повторяются каждый раз с новым творческим воображением и с новой целью, и чем больше он признает эти „грехи“, тем бесконечнее они ему кажутся. Этими бесчисленными

признаниями поэта в своих (человеческих) „пороках“ и „грехах“ как бы еще сильнее акцентируется мысль о „несовершенстве“ человека и „совершенстве“ бога.

В противопоставлении поэта (человека) и бога нет стремления к самоуничтожению и уничтожению, как может показаться с первого взгляда. Сгущая краски, подчеркивая свое „несовершенство“ и „ничтожество“, по сравнению с исключительным „совершенством“ бога, поэт-монах преследовал при этом две цели: во-первых, усилить в человеке дух покаяния, стремление к спасению и усовершенствованию, и, во-вторых, вселить в человека надежду и веру на спасение с помощью „всесильного“ бога. Таким образом, поэт восхваляет и превозносит бога во имя человека. Отсюда — оптимизм поэмы, несмотря на всю трагичность настоящего положения человека.

В „Книге“ большое внимание уделено показу противоречий между телом и душой. Подобно другим поэтам и мыслителям средневековья, Нарекаци стоит перед альтернативой: кому отдать предпочтение — праву души или тела? При решении этого вопроса он не избирает путь, продиктованный церковной догматикой. В отличие от последней, поэт не отделяет душу от тела и не ищет спасения души в потустороннем мире. Решение мучительной дилеммы он находит в стремлении к примирению и гармоническому сочетанию тела, являющегося „творением божьим“, и душой, являющейся „божественной благодатью“. Это примирение, по его мысли, может произойти опять-таки с помощью божьей благодати, веры и стремления к божественной истине.

Примечательно, что Гр. Нарекаци не затрагивает вопроса о существовании потустороннего мира и, следовательно, не связывает с ним спасение человека и его души независимо от тела. В этом воззрении, выходящем в известной мере за рамки христианского мироощущения, можно усмотреть какую-то связь с еретическими учениями той эпохи, в частности, с тондракийцами.

В своей поэме Гр. Нарекаци с большой силой выражает жажду жизни, утверждая право человека на жизнь. С такой же потрясающей силой он изображает и ужас смерти, представляя ее как величайшую трагедию человека. Вот почему поэт, сознавая неизбежность смерти, испуленно молит бога, чтобы тот „не ускорял приход конца“ и „не давал бы ему испить горькую чашу смерти“, он старается оттянуть эту „мрачную ночь“.

Поистине безгранично поэтическое воображение Гр. Нарекаци. Его взору предстают видения сатаны, страшного суда, ада и даже собственной смерти. Причем, описывая свою смерть, поэт говорит вообще о трагедии всего сущего на земле. Предвидя все ужасы смерти, поэт молит бога, чтобы тот спас его от гибели. Его настоятельные молитвы становятся как бы требованием, исходящим из права человека на жизнь, требованием, временами переходящими в глухой протест:

Презираешь ли ты милосердие свое, о опекающий?
Изменишь ли ты человеколюбие свое, о неизменный?!
Отвратишь ли ты животворное свое, о нескончаемый?!

И как бы предвидя, что он может показаться назойливым в своих нескончаемых скорбных молениях и стенаниях, поэт предупреждает бога:

И мое вхождение в тяжбу с тобой с мольбами, о всемогущий,
Да пусть тебе не покажется назойливым!

И поэт уверен, что в этой тяжбе возьмет верх его вера в спасение, и это еще больше усиливает оптимистическое звучание „Книги“; оптимизм рождается из большой трагедии поэта (человека), всецело поглощенного неиссякаемой надеждой и жгучим стремлением к идеалу человека. Для более полной характеристики гуманистических воззрений Гр. Нарекаци важно еще одно обстоятельство: как бы сильно не было у поэта стремление к слиянию с богом, все же он не воспринимает это как растворение человеческой личности в боге; поэт утверждает необходимость сохранения самостоятельности индивидуума, без которой он не представляет вообще осуществления заветного стремления к гармоническому усовершенствованию человека. Человек в боге и бог в человеке — вот истинный путь спасения по мысли Нарекаци.

Трагедия поэта не воспринимается как трагедия отдельной личности. Величие Нарекаци заключается в том, что он выступает носителем общечеловеческой скорби. Герой „Книги скорбных песнопений“, как и „Божественной комедии“ Данте, — сам поэт, воплощающий „погрязшее в грехах человечество“. По словам Нарекаци, он „представляет собою душу всех людей, всех христиан своего времени; отображая их в образе своем“. „Я во всем и грехи всех во мне!“ —

воскликает поэт. Это понимание общечеловеческих задач своего времени и сознание великой миссии поэта определяют мировое значение *Книги скорбных песнопений* Григора Нарекаци.

Гуманистические идеалы и устремления Гр. Нарекаци находились в остром противоречии с действительностью. Естественно, поэт, всецело поглощенный идеей спасения и совершенства человека, не мог довольствоваться лишь созерцанием своего внутреннего мира, не мог не обратиться к осмыслению и характеристике самой действительности, которая, по его мнению, также полна пороками и также оскверняет „чистую природу“ человека, усугубляя его трагедию. С удивительной зоркостью и глубиной поэт подметил пороки всех слоев современного ему общества, беспощадно бичуя их. Мистическое мировоззрение Гр. Нарекаци выражало протест против существовавших феодальных и церковных порядков в стране, присущее для раннего Возрождения многих стран. Образно выражаясь, поэт протягивал руку к богу без посредства церкви.

По сравнению с песнями-тагами, в *Книге* сделан смелый шаг вперед в художественном отображении действительности. Впервые в армянской поэзии внутренний мир человека стал главным объектом лирики. Лирический герой поэмы — сам поэт (человек), изображенный со всеми своими сложными и глубокими психологическими переживаниями. В этом прежде всего выражается основное своеобразие поэзии Гр. Нарекаци, которую можно охарактеризовать как субъективную лирику.

„Книга скорбных песнопений“ пронизана психологизмом и эмоциональностью, что свойственно вообще для многих произведений армянской (да и не только армянской) духовной поэзии. Однако в поэме психологизм и эмоциональность достигает той глубины и силы выразительности, которые редко встречаются в средневековой мировой лирике. Самые тончайшие оттенки психологических состояний человека показаны в этой поэме: грусть и радость, сомнение и вера, скорбь и ликование, мечты и раздумья, экзальтация и стенания, гнев и возмущение и т. д. и т. п. Тем самым человек возвеличивается богатством своей сущности. Вот почему поэма Гр. Нарекаци — величайший памятник армянской и мировой лирической поэзии.

Приведем пример показа раздвоенности человеческого существа, мучительных терзаний и сомнений:

Я не живу во тьме вместе со смертными,
 Я не с возвышенными, а с погибшими и сокрушенными.
 В час покоя мучился я,
 В час веселья грустил.
 Лик мой радостен, но в думах — печаль,
 На устах — улыбка, а в глазах — скорбь.
 На лице притворство утешения —
 А слезы скорбят о горестях сердца.
 В моих руках — по чаше: одна с кровью, другая с молоком.
 У меня две горящие кадила: две:
 В одной курится ладан, в другой чадит жир.
 У меня два сосуда: один полон сладости, другой — горечи.
 В моих руках два кубка: в одном вино, в другом желчь.
 Открыты мне две двери: одна ведет к потерям, другая —
 к слезам.
 Двухлик мой взгляд: выражающий слабое утешение и гнев
 беспощадный и безжалостный.
 Подняты две руки: одна карает меня, другая лишает...
 ...Упования предполагаемы: одно зиждется на „хотя бы“,
 другое — на „может быть“.
 В одних устах две речи: одна жалка, другая несет раздор.
 В сердце моем два чувства: одно выражает мнимые надежды,
 Другое — неминуемые утраты...
 ...Горестная ночь двух бед: одна несет слезы, другая — гибель...
 ...Два солнца в двух концах света: одно несет тьму, другое —
 сжигает...

Книга скорбных песнопений отличается высокими художественными достоинствами. Читателя поражает безудержный полет поэтической мысли, богатство образного мышления, умелое использование необычайных метафор, неповторимых синонимов, гиперболических образов, риторических повторов и т. д.

Стих поэмы Нарекаци характеризуется музыкальностью: автор щедро использует ассонансы, аллитерации, внутреннюю рифму и т. п. Григор Нарекаци, по словам Брюсова, „довел до высокого совершенства форму стихов, любовно культивируя „звукопись“ задолго до того, как она расцвела в лирике персидской и арабской“.

Подобно многим великим поэтам, Гр. Нарекаци, как бы подытоживая прожитое, написал свой *Памятник*, включенный в *Книгу*:

А для меня пусть будет этот мой завет
 Памятником, высеченным, нерушимым,
 Который, вместо меня, злостного, смертного,
 Стенания плачевного звучанием непрерывным
 Без умолку будет всегда вопить.
 Пусть и кости мои разложившиеся
 Под покровом земляным могилы моей
 Исповедуют это гласом безмолвным.
 Пусть и тело мое, превратившееся в прах,
 Речью некой неувещательной
 Об этом тебя, о тайновидец, умоляет.

Всем своим творчеством Григор Нарекаци подготовил почву для дальнейшего развития возрожденческих тенденций в армянской литературе. К гениальному армянскому поэту применимы слова Ф. Энгельса, сказанные им о Данте: он был „последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени“.